

ХОЛЯЕВ Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Ярославского государственного технического университета (150023, Россия, г. Ярославль, Московский пр-кт, 88, корп. Г; holyaevsv@ystu.ru)

ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ КАК НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ СОБЫТИЕ, ИЗМЕНИВШЕЕ ХОД РУССКОЙ ИСТОРИИ

Аннотация. В статье показывается, что сегодня, когда в условиях специальной военной операции современному российскому обществу требуется согласие между патриотическими лагерями, радикальные силы одного из таких лагерей предприняли попытку через фильм «Мумия» навязать обществу представление об уничтожении большевиками Российской империи в 1917 г. Однако реальный анализ отечественной истории показывает, что действительную угрозу короне представляли не периферийные тогда большевики, а основной массив интеллигентских партий, от кадетов до меньшевиков, – преемников А.И. Герцена и других деятелей интеллигенции XIX в. И отправной точкой формирования российской интеллигенции как особого социального явления явился миф о жертвенности декабристов. Именно поражение декабристов привело к полной зачистке в России оппозиционного поля и началу непримиримой борьбы за уничтожение монархии, продолжавшейся почти целый век, до февраля 1917 г. Большевики, напротив, оказались единственной партией, сумевшей восстановить государственную жизнь в ходе революции.

Ключевые слова: декабристы, интеллигенция, А.И. Герцен, В.И. Ленин, общество, государство, большевики

В те дни, когда в журнале «Власть» выходила моя предыдущая статья [Холяев 2025], на широкий экран вышел претендующий на документальность фильм «Мумия», резко негативно оценивающий деятельность лидера большевиков и основателя Советского государства В.И. Ленина. В то же время идея моей статьи была в корне противоположной: лишь объединение в условиях СВО двух главных патриотических лагерей, просоветского и проимперского (сторонников Российской империи), позволит не только победить, но и в перспективе создать крепкое, прочное государство, спаянное всей силой русской истории¹.

Термин «несостоявшееся событие» впервые использовал историк Л.Г. Протасов в отношении Всероссийского учредительного собрания 1918 г. Он утверждал, что в мировой истории мало несостоявшихся событий привлекают большое внимание. Учредительное собрание – одно из них, т.к. оно не исполнило своего предназначения: не создало власть, признанную большинством народа, и не остановило гражданскую войну [Протасов 1997: 5]. Однако существует и другое «несостоявшееся событие»: восстание декабристов, которому в декабре 2025 г. исполняется ровно 200 лет.

Потерпев поражение, это событие также не достигло поставленных целей и при этом все равно занимает важное место в российской истории, приводя к серьезному изменению в соотношении сил государства и общества. Общество, избрав отрицание государства, перестало обращать внимание на его планы и приступило к выработке собственной стратегии действий.

¹ Напрямую этому посвящена еще одна моя статья «Николай II – последний защитник империи», изданная в журнале «Вопросы истории» еще накануне начала СВО в ноябре 2021 г. [Холяев 2021].

Последующий ход развития событий не был связан с самими декабристами, однако они стали частью новой общественной мифологии, достигшей своей цели – свержения монархии в России в феврале 1917 г.

Декабристское восстание не назовешь случайным – оно стало как минимум следствием процессов, начавшихся в период правления Екатерины II. Недовольство дворянских радикалов вытекало из концепции западного Просвещения о правах человека, шедшей вразрез с выдвинутой российской императрицей идеей просвещенного абсолютизма. Большая часть дворянства стремилась к сохранению крепостного права, тогда как их противники – масоны заявляли о необходимости его ограничения. Массонство стало дрожжами, на которых выросли оппозиционные власти силы. Они были настолько неприятны русской власти, что Александр I запретил деятельность в России любых их лож [Романов 2015: 411, 417; Малофеев 2022: 322-323].

Декабристы, как и их предшественники времен Екатерины, любили поговорить на тему народных свобод, хотя данная проблематика волновала их меньше. Более актуальными для них были права дворянского сословия, требования ограничения верховной власти через введение конституции. На этом пути у них находились точки соприкосновения и с придворными кругами, привыкшими с XVIII в. к дворцовым переворотам. Казалось, такой подход давал им больше надежды на успех, на практике же они превратились в разменный материал в большой политической игре придворных верхов.

Если мы рассмотрим внимательно состав участников декабристского движения, то увидим в нем в основном младших офицеров, поручиков и штабс-капитанов, и всего лишь несколько полковников и подполковников, не сумевших должным образом проявить в ходе декабрьского выступления ожидаемые от них руководящие навыки. Так, например, глава Южного общества П.И. Пестель вообще был арестован правительством к моменту восстания в декабре 1825 г., а несостоявшийся «диктатор», т.е. руководитель восстания князь С.П. Трубецкой, не вышел к войскам на Сенатской площади для прямого руководства ими. И ни одного генерала... В.А. Брюханов пишет: «...среди декабристов не было ни одного командира полка или лиц, формально способных исполнять обязанности командиров полков. Поэтому декабристам не были подвластны никакие передвижения войск – до момента приведения последних в состояние неповиновения законным властям» [Брюханов 2005: 382].

А ведь так было не всегда. С 1816 г., когда движение только начиналось, в его различные структуры (Союз спасения, Союз благоденствия) входило немало генералов и высших офицеров. Но в 1822 г., при окончательном формировании Северного и Южного обществ, большинство из них в силу разных причин покинули оппозиционное сообщество. Зато оставшихся там лиц, сильно измельчавших по степени влияния на армию, взяла на буксир гвардейская верхушка Санкт-Петербурга в лице генерал-губернатора столицы графа М.А. Милорадовича [Брюханов 2005: 107, 143, 148-149].

Выход на Сенатскую площадь несколько тысяч человек вряд ли мог привести к успеху, но очевидная неудача состоявшегося действия неожиданно открыла принципиально новую страницу истории. Оказавшись орудием в руках более могущественных сил, ведших борьбу по канонам типичного дворцового переворота, статичная революционная группировка стала запалом для постепенного разжигания революционного пожара в России. Поражение первого вооруженного выступления явилось благом для новых революционеров, вышедших из иной общественной среды. Революционные имена дека-

бристов превращались в актив для новых радикалов, необходимый пантеон мучеников. Революционный лагерь, не имевший к ним никакого отношения, провозглашал их теперь своими родоначальниками.

На поверхностном уровне официальная власть торжествовала. Но обществу, отвергавшему имперскую государственную власть, это было только на руку. У них нашелся собственный Моисей — человек, звавший общественных мечтателей к вершинам будущей революции. Александр Иванович Герцен своим происхождением удачно сочетал элитарность и народность. Будучи незаконнорожденным, он, с одной стороны, являлся сыном Рюриковича, помещика И.А. Яковлева, а с другой — крепостной крестьянки. В своей книге «О развитии революционных идей в России» он подготовил яркую апологию незадачливых революционеров. Самые благородные среди русской молодежи, подчеркивал Герцен, успешные военные, любимые литераторы, потомки славных родов вступили в ряды первой фаланги русского Освобождения, желая всего лишь продвигать либеральные и конституционные идеи в английском смысле. Но их оттолкнули, и они стали переходить на республиканские рельсы, не желая больше довольствоваться представительной монархией [Эдельман 2022: 7].

Интеллигенция (возникшая при правлении Николая I и обретшая соответствующее название только к концу XIX в.¹) исходила из позитивных идей сострадания народу, прежде всего крестьянству. Она искренне стремилась быть ближе к страдающим, а власть считала главной виновницей народного бесправия. Но лубочность представлений интеллигентского сообщества, состоявшего в основном из представителей среднего дворянства и так называемых разночинцев (крестьян и мещан, получивших высшее образование), предопределила бескомпромиссный курс избранной ими политики по отношению к деспотическому, по их мнению, государству [Васильев 2017а: 447-450].

Чем объяснял появление новых людей в николаевской России сам Герцен? Он утверждал следующее. Двадцать пять лет после 14 декабря (1825 года) Россия внешне стояла на месте. Русская аристократия не оправилась в царствование Николая. Гвардия разделила судьбу аристократии: лучшие из офицеров были сосланы или уволились со службы. Зато внутри государства росло недовольство — революционные идеи распространялись шире, нежели за предыдущее столетие. Умственная работа совершалась не на вершине или у основания, внизу государства, а между ними. В недрах губерний, и особенно в Москве, увеличилась прослойка независимых людей, отказавшихся от государственной службы, самостоятельно управлявших имениями и занимающихся наукой, литературой. Если они и просили о чем правительство, лишь о том, чтобы их оставили в покое. Они были полной противоположностью петербургскому дворянству, связанному с государственной службой [Герцен 1982: 244-249].

Еще одна ключевая метаморфоза русской интеллигенции — ее переход на западные рельсы. Декабризм, несмотря на попытку сместить официальную имперскую власть, во многом обосновывался патриотическими порывами. «Поводырь» Герцен изменил внешнеполитический курс оппозиционеров. Разделы Польши при Екатерине, вещал он, явились бесчестьем, запятнавшим Россию. Яростная борьба Польши подняла все народы против России.

¹ Более подробно о процессе формирования интеллигенции смотрите в статье «Интеллигенция — базовый фактор великой русской революции», опубликованной в ивановском журнале «Интеллигенция и мир» в 2018 г. [Холяев 2018].

Долгое рабство народа – факт, отвечающий особенностям национального характера. Если Россия дальше будет следовать петербургскому курсу, у нее впереди не будет будущего. Призвать русский народ к осознанию гибельности положения способны только люди, представляющие разум страны, мозг народа [Герцен 1982: 204-205, 255].

Герцен не просто говорил, он действовал. Находясь в эмиграции, за год до начала Крымской войны он переезжает в Лондон и там создает Вольную русскую типографию, где печатают антиправительственные памфлеты. Первая прокламация выходит под названием «Юрьев день! Юрьев день! Русскому дворянству». Ее лейтмотив заключался в том, что дворяне никогда не станут свободными при сохранении крепостного права. Характерно, что крайняя степень западничества Герцена показалась излишней даже его единомышленникам. Он был причислен ими к национальным предателям, но только после польского восстания 1863 г., тогда как оппонировать государству в ходе Крымской войны они считали вполне естественным. Однако изменить западническую природу нарождающейся интеллигенции отстранение Герцена из ее рядов уже не могло [Гросул 2017: 760-761, 763-764].

Лучше всех настроения новой элитарной российской общности выразил великий русский поэт Н.А. Некрасов, возглавлявший сразу два ключевых интеллигентских журнала – «Современник» и «Отечественные записки». В главной его поэме «Кому на Руси жить хорошо» семеро крестьян из Ярославской губернии задают себе вопрос: кто хорошо живет на Руси, и ищут на него ответ. По итогам поиска получается, что хорошо в стране живут одни революционеры, поскольку единственные обладают реальной правдой. «Средь мира дольного для сердца вольного есть два пути... Одна просторная дорога – торная. Страстей раба... Другая – тесная, дорога честная, по ней идут лишь души сильные, любвеобильные, на бой, на труд за обойденного, за угнетенного, стань в их ряды»¹.

В эпоху «великих реформ» Александра II положение интеллигенции было легализовано. Принятые Александром III контрмеры «завинчивания гаек» максимально обозлили общество, усилив его революционность. И если на завершающем этапе «конституционные преобразования» Александра II направлялись на успокоение консерваторов, к началу правления Николая II в России сформировалась радикально-либеральная группировка. Ее кадры выходили из учебных заведений (гимназий и университетов) и находили возможность закрепиться в низовых структурах власти, земствах. За годы контрреформ интеллигенция стала крупнейшей социальной силой, и в начале нового царствования открыто поставила вопрос о введении в стране конституционного образа правления. Активность оппозиции в период царствования Николая II – прямое следствие неудачных мер по недопущению революции в России со стороны Александра III [Перфилова 2014: 295-296, 362].

Партией, наиболее последовательно выражавшей интересы интеллигенции в начале XX в., оказались конституционные демократы. Вот так обосновывал кадетскую левизну основатель партии И.И. Петрункевич, ставший после перехода лидерства в ней к П.Н. Милокову ее почетным председателем. «Бесспорно, самодержавное правительство с необыкновенной последовательностью и слепотой противодействовало всякой тени легальной борьбы против власти и ее произвола и создавало убеждение, что с русским правительством легальная борьба невозможна и... единственным выходом из этого

¹ Некрасов Н.А. 1975. Кому на Руси жить хорошо. – *Стихотворения и поэмы*. М.: Энергия. С. 616.

исторического тупика, — может быть путь революционной борьбы, противодействие которой... может быть полезно только застою и усилению власти». Кадеты должны любой ценой добиваться конституции, и не могут оставаться под властью самодержавного произвола¹.

Широко известна статья В.И. Ленина «Памяти Герцена», воспринимающаяся зачастую как доказательство прямой преемственности Герцена и его сторонников с большевиками [Ленин 1968]. Эту статью противники большевиков используют как доказательство их виновности в сокрушении Российской империи. Часто упоминается также триада «декабристы — народовольцы — большевики». В реальности линия Герцена—Огарева являлась магистральным направлением для интеллигенции в целом и ее ведущей либеральной партии в начале XX в. — кадетов [Герцен 1906]. Лидер правых кадетов В.А. Маклаков писал, что компромисс, основа конституционной жизни на Западе, казался изменой. Созданный в 1902 г. заграничный орган «Освобождение», претеча кадетской партии, объявил войну самодержавию. Руководство освободительным движением перешло к «политической интеллигенции». У нее было много добрых намерений, идеализма и теоретических знаний, но не хватало главного — опыта. Для либералов создалось безвыходное положение: они развязали народу руки и не смогли им управлять в условиях революции [Маклаков 2023: 140-141, 220].

Другой партией, типичной для интеллигенции, но уже в условиях революции, стала партия эсеров — социалистов-революционеров. В ходе Февраля она прошла полный курс интеллигентских иллюзий, одержав победу на выборах в Учредительное собрание, однако оказалась к народу не ближе кадетов, тем самым подтвердив бесплодность иллюзий общественников на подчинение народа своей практической политике [Васильев 2017б: 288-291].

Тем самым, мы видим общность базовых стратегических идей интеллигентских партий последнего этапа существования Российской империи — от кадетов до меньшевиков включительно. Несмотря на различия, их объединяет главное: отрицание малейших компромиссов с монархической имперской властью. При этом радикализм кадетов не спасал от критики левых интеллигентских партий. Показательна одна из антикадетских листовок эсеров, распространяемая перед выборами в Учредительное собрание в Костромской губернии. «Кто скучает по Николаю II и Вильгельму, голосуй за список № 2 (номер кадетского списка в Костромской губернии. — С.Х.)... № 2 стоит за волю для нагайки и кнута... За Романова, за Колю. Николай его мечта. № 2 земли боится, волю хочет заковать... Кто ж из граждан согласится за второй голосовать»².

Следовательно, позиция основных партий интеллигенции прямо вела к Февралю, а Февраль — к полному подчинению России Западом, не говоря уже о том, что непонимание народом интеллигенции могло привести к полному упразднению российской государственности, разделению страны между другими участниками обоих враждующих блоков Первой мировой войны. Большевики, также входившие в круг интеллигентских партий, находились на его периферии. Значит, и они участвовали в кампании, наносившей вред имперской России, но главным относительно них было другое — в тот момент, когда Февраль состоялся, большевики оставались единственной

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5839. Оп. 1. Д. 9. Л. 149, 649.

² ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1030. Л. 13(об).

партий, способной на новое собрание государства и, что не менее важно, на вывод России из зависимости от Запада [Голдин 2024: 325].

В одной из предыдущих публикаций автор данной статьи писал, что большевики продолжили имперское наследие Николая II. «Тяжелейшие времена 1917 г. наступили после насильственного отстранения от власти Николая II, а прекращены были с приходом к власти большевиков в Октябре, прервавшим хаос... наступивший с победой февральских революционеров, то есть интеллигенции». Парадокс истории заключался в том, что в конце XX в. (да и в начале XXI) силы, обвинявшие большевиков в злонамеренности, солидаризировались не с Николаем II, а со свергавшими его февралистами. Историческими преемниками имперского наследия выступили коммунистические власти, руководившие страной Советов [Холяев 2021: 147, 148].

Исходя из этого, следует признать: нельзя отрицать нахождение большевиков среди интеллигенции и, следовательно, их участие в борьбе с короной Российской империи. Однако большевики занимали там окраинное положение и не являлись основными врагами Российской империи. Их пребывание в оппозиционном лагере оказалось даже полезным для сохранения государственности. Когда после ликвидации монархии в феврале 1917 г. народ и интеллигенция остались один на один, большевики были единственными, кто успокоил разбушевавшееся народное море. Критики большевиков, уделяя им все свое внимание, не замечают угрозы российской короне от целостного выступления интеллигенции XIX в. против власти, видя лишь одну линию преемственности Герцена, ведущей к большевикам, а значит не дают реального ответа на вопрос о причинах революционного катаклизма в 1917 г., обрекая в т.ч. современный российский патриотический лагерь на бессмысленные распри. В действительности большевики имели отдаленное отношение к ведущей, мейнстримной части российской интеллигенции — самому опасному врагу Российской империи, сокрушившему монархию в Феврале. А отправной точкой для ее появления стало поражение декабристов, позволившее интеллигенции как новой силе полностью переформатировать и захватить оппозиционное пространство.

Список литературы

- Брюханов В.А. 2005. *Мифы и правда о восстании декабристов*. М.: Яуза; Эксмо. 640 с.
- Васильев Л.С. 2017а. *Метаморфозы истории России*. Т. 2. *Безбуржуазная вестернизация империи*. М.: КДУ. 500 с.
- Васильев Л.С. 2017б. *Метаморфозы истории России*. Т. 3. *Предкапитализм и конституционная монархия*. М.: КДУ. 492 с.
- Герцен. 1906. Письмо к Бакунину. — *Вестник партии народной свободы*. № 21-22. С. 1874-1877.
- Герцен А.И. 1982. *Письма в будущее*. М.: Советская Россия. 480 с.
- Голдин В.И. 2024. *Анатомия интервенции, или Кто и как развязал Гражданскую войну на Севере России*. М.: Кучково поле. 336 с.
- Гросул В.Я. 2017. *Общественное движение в России первой половины XIX века*. М.: АИРО-XXI. 848 с.
- Ленин В.И. 1968. Памяти Герцена. — *Полное собрание сочинений*. М.: Издательство политической литературы. Т. 21. С. 255-262.
- Маклаков В.А. 2023. *Власть и общественность на закате старой России: воспоминания*. М.: Новое литературное обозрение. 705 с.
- Малофеев К.В. 2022. *Империя. Третий Рим*. Книга вторая. М.: АСТ. 528 с.

Перфилова Т.Б. 2014. «Ученое сословие» России в правовом пространстве уставов императорских университетов (под ред. М.В. Новикова). Ярославль: Изд-во ЯГПУ. 467 с.

Протасов Л.Г. 1997. *Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели*. М.: РОССПЭН. 368 с.

Романов П.В. 2015. *Россия и Запад: От Рюрика до Екатерины II*. СПб: ТИД «Амфора». 447 с.

Холяев С.В. 2018. Интеллигенция – базовый фактор великой русской революции. – *Интеллигенция и мир*. № 3. С. 23-35.

Холяев С.В. 2021. Николай II – последний защитник империи. – *Вопросы истории*. № 11(1). С. 137-149.

Холяев С.В. 2025. Метод триады Гегеля как средство понимания русской революции и выстраивания будущего России. – *Власть*. Т. 33. № 3. С. 226-232.

Эдельман О.В. 2022. *Павел Пестель: Очерки. С приложением «Русской Правды» П.И. Пестеля [1824]*. М.: Модест Колеров. 472 с.

HOLYAEV Sergei Vladimirovich, *Cand.Sci. (Hist.)*, Associate Professor of the Chair of Humanities, Yaroslavl State Technical University (bld G, 88 Moskovsky Ave, Yaroslavl, Russia, 150023; holyaevsv@ystu.ru)

THE DECEMBRIST UPRISING AS AN UNFATED EVENT THAT CHANGED THE COURSE OF RUSSIAN HISTORY

Abstract. *The article shows that today, when modern Russian society needs to find common ground between patriotic camps in the context of the Special Military Operation, radical forces from one of these camps have attempted to impose the idea of the Bolsheviks' destruction of the Russian Empire in 1917 through the film «The Mummy». However, a real analysis of Russian history shows that the real threat to the crown was not posed by the peripheral Bolsheviks, but by the main body of intellectual parties, from the Cadets to the Mensheviks, which were in continuity with Alexander Herzen and other founders of the 19th-century intelligentsia. The myth of the Decembrists' sacrifice was the starting point for the formation of the Russian intelligentsia as a special social phenomenon. It was the defeat of the Decembrists that led to the complete elimination of the opposition in Russia and the beginning of an irreconcilable struggle for the destruction of the monarchy, which lasted for almost a century, until February 1917. The Bolsheviks, on the other hand, were the only party that managed to restore state life during the revolution.*

Keywords: *Decembrists, intelligentsia, A.I. Herzen, V.I. Lenin, society, state, Bolsheviks*
